

Я и мои (бывшие) подруги

Жизнь любит тех, кто любит жизнь.

Предисловие

Есть у меня шапочные знакомые - занятная парочка вдовцов из дома престарелых. Ей 85, ему 91! Про свою подругу мужчина говорит, что взял ее практически невинной девушкой. Хотя невинная многие десятилетия состояла в браке, имеет детей, внуков и правнуков. Она соглашается с утверждением о своей невинности, объясняя ее тем, что жизнь прошла в трудах и заботах - было не до любви, не до секса. Говорит без всякого смущения, но и без особого энтузиазма. Ее нынешний партнер по жизни куда словоохотливей и, как любой мужчина, любит рассказывать о своих победах. Гордо вспоминает, что в первый раз она легла в совместную постель в ночной рубашке, во второй - уже без нее. А сейчас они обожают вместе принимать ванну. Что ж, замечательно, если людям хорошо вместе, прекрасно, что у них есть силы и желание на полноценную личную жизнь. Быть счастливыми никогда не поздно, а они производят впечатление счастливых людей. Секс в пожилом возрасте – тема-табу, она только-только начинает завоевывать право на жизнь и нормальное отношение. Но не потому я говорю об этом.

Больше всего меня поразило их отношение к будущей смерти партнера. Женщина предпочитает, чтобы первым ушел он. Она не хочет, чтобы он страдал от потери и одиночества, если первой умрет она. Мужчина тоже пожелал уйти первым, но его обоснование было другим. Привожу ответ дословно: "Если она умрет первая, опять начнется этот театр."

- ??? - Услышав это, я внутренне поперхнулась, но все же уточнила - вдруг неправильно поняла.

Он пояснил: опять эта морока - новую искать! Вы еще помните, что мужчине 91 год? Прелестный пример взаимоотношений полов. Что в 20, что в 90 лет - ничего не меняется, мужчины остаются мужчинами, женщины – женщинами.

Почему я начала свою повесть о дружбе таким странным образом: рассказом о людях, которые ни к теме, ни к дальнейшему повествованию не имеют отношения? Поясняю. Начиталась многочисленных советов мэтров литературы о том, как написать книгу. Все в один голос рекомендуют начать чем-то необычным и интригующим. Вот я и послушалась. Насколько необычно получилось, судить вам. Мое дело проверить, есть ли смысл в подобных рекомендациях. А теперь позвольте перейти к незамысловатому повествованию о себе и своих (бывших) подругах. Почему-то мне кажется, что читать эту книгу будут в основном женщины. Думаю, в жизни любой из вас случались болезненные потери подруг, разочарования в дружбе, возможно, даже предательства, которые вы не могли забыть или простить многие годы. И все же, несмотря ни на что, надо стремиться к дружбе и взаимопониманию, к состраданию и солидарности с женщинами. Ведь мы сестры.

Приятного чтения, милые женщины!

ГЛАВА 1 (отрывок)

Я

Мне казалось, что в творческом самовыражении у меня дефицитов меньше всего. Природа наделила меня многими, хотя и не очень яркими способностями: к музыке, пению, танцу, рисованию, сцене, писанию-графоманству. В разное время мною овладевали те или иные интересы, и я удовлетворяла их по мере возникновения. В детстве-юности я занималась музыкой, пела, рисовала, играла в театре. Потом, в послерасцветном возрасте, ближе к сорока, занялась самым подходящим, если не единственно возможным для этого возраста видом танца - танцем живота, благо живот появился. И танцевала за милую душу. Даже преподавала другим и сочиняла собственные композиции, ставила танцы как хореограф. Ну, просто как Петипа или Баланчин. Но вы это и сами знаете, милые женщины: жизнь заставит - и хореографом станешь, и всем, чем угодно.

* * *

Что я еще перечисляла из своих способностей? Ага, писание. Я имею в виду не святое писание - я не святотатствую, а существительное от глагола "писать". Писательство я сказать не могу. Это означало бы, что я считаю себя писателем. Нет, не считаю. Вот это было бы самым ужасным святотатством. Писатель для меня - Чехов, поэт - Пушкин, драматург - Шекспир. Это мне подсознание сразу любимых выдало - небожителей. Вот оно какое, а мы его так часто недооцениваем.

Пишу. С четырнадцати лет. Вот и сейчас: что я делаю - пишу. Пишу не из-под палки, как в случае с обучением игре на пианино, или ради здоровья и сохранения формы, как танец живота, сальса или пилатес, а с удовольствием и даже страстно. А в какие-то времена, причем такие продолжительные, что даже странно подумать, писание было основным содержанием моей жизни.

Раньше я долго стеснялась признаться кому-либо, что пишу: как будто я барышня-дворянка 19 века. В те давние времена это было нормальное "хобби". Я тоже всегда с удовольствием писала письма, дневники, прозу, но не признавалась всем и каждому - знала, в каком обществе живу.

Не поймут. Даже близким друзьям призналась поздно. Видимо, не верила в себя. Да не видимо, а очевидно, что не верила. И не без основания боялась, что дорогое для меня занятие не найдет одобрения и интереса у моих друзей. И не ошиблась...

Только одна подружка, которая писала сама, заинтересовалась и прочла мое произведение. Спасибо, Вера.

* * *

Назад, к нашим баранам, к началу начал, к писанию. К четырнадцати годам. Конец детства, заря взросления и ужасы переходного возраста. Хотя, как я потом убедилась на собственной шкуре, главные ужасы переходного возраста переживают все же родители, а не сам проходящий через него.

Тогда я еще не знала, что пребываю в светлом времени превращения куколки в симпатичную бабочку. Тогда я просто жила себе и жила. Ходила в школу. Дружила с хорошими девочками. Читала книжки. Вот, ключевое слово и прозвучало - книжки.

Читать я начала поздно. Читала, конечно, сказки, детские книги, но читать, то есть открывать для себя лучший из миров - мир фантазии умных талантливых людей - начала поздно. Видимо, так было предусмотрено

судьбой: и возраст, и первая книга, взятая из библиотеки, - все определило мою дальнейшую жизнь. Эта книга называлась "Герои Эллады". Качок-Геракл с двенадцатью подвигами, об эротическом тринадцатом в детской книжке не написали; бедняжка Гелла, так глупо упавшая в море; несчастная и коварная Медея; воруги-аргонавты. Это сейчас я вижу их так, а тогда они казались мне романтическими, мужественными героями. Нет, Жизнь все же любит меня. Это она привела меня в городскую библиотеку, дала в руки изодранных "Героев". Дома я благоговейно подклеила страницы, цветными карандашами нарисовала новую обложку взамен совершенно затертой и истрепанной – мощного Геракла с дубиной в руке. Это произошло лет в одиннадцать. Первая ласточка.

А вторая прилетела в тринадцать-четырнадцать и называлась «Таис Афинская» Ивана Ефремова. Коричневая такая, 73-го годаиздания, последний роман советского писателя-фантаста, писавшего в основном книги об идеальном коммунистическом будущем.

Последнюю он посвятил жене, тоже Таисии. Написана его типичным тяжелым наукообразным языком. В ней слишком много философских отступлений, и слишком мало о любви. Я очаровалась и заболела этой книгой, видя все ее недостатки, а это и есть проявление настоящей любви – иррационального чувства. Я перечитывала ее бесконечно, как верующий Библию. Александр Македонский проходит по книге почти эпизодически, как тень отца Гамлета. Девушка Таис описана мудрой, прожившей жизнь женщиной. По-видимому, Ефремов списывал ее образ с собственной любимой жены. Я заболела античностью, Александром, Таис, полюбила все это, жила этим страшно сказать как долго - всю свою сознательную жизнь. Как не сказать спасибо Ефремову? Он написал свой роман так, как МОГ и как ХОТЕЛ: с мудрой Таис, эпизодическим непонятным Александром, собственной философией. Мне, сверснице главной героини, не хватало такой же молодой, неопытной, эмоциональной девушки Таис, какой была я и мои подруги, не хватало живой любви, Александра, не тенью мелькающего за углами и поворотами повествования, а определяющего его.

Свято место пусто не бывает. Сначала я стала «дописывать» роман Ефремова, заполнять пропущенные отрезки жизни, дополнять образы героев своими фантазиями, вдыхать в них жизнь.

На многие годы для моих друзей был решен вопрос подарка на день рождения. Конечно же очередную монографию про античность или новый роман об Александре. Цель моих ежегодных отпусков тоже определялась однозначно: туда, где бывал он, где разворачиваются события моего романа. Посмотреть своими глазами и "увидеть" то, что там происходило две тысячи триста лет назад.

Со временем я поумнела и осмелела, количество знаний, опыта и пропущенных через себя чувств перепрыгнуло в новое качество - то ли открылся третий глаз, то ли какой-то канал в подсознание - новая жизнь, переполнявшая меня, рвалась на волю. Года в тридцать три я купила толстую амбарную книгу, и начала писать уже совершенно СВОЕ, последовательно, с первой страницы до последней. Писать - не совсем правильное слова, скорее записывать картины "с натуры", обличать в слова

то, что посылалось мне откуда-то, из глубин подсознания, опыта прошлых жизней? Не знаю...

Спустя шесть с половиной лет и пятнадцать амбарных книг я вывела слово «конец». Потом полгода перепечатывала в компьютер, еще пару лет правила и редактировала. Потом пять(!) лет, почти потеряв всякую надежду и нервы, искала издателя. Когда же моя книга под чужим, придуманным редакторами, названием и аляповатой серийной обложкой все же вышла в большую жизнь, я еще долго не могла перерезать пуповину.

Но пока я писала и редактировала свой первый и главный роман, я была счастлива этим как ничем другим! Представьте ситуацию, милые сестры. У меня тяжелый день, недомогание или неприятности. Но стоит мне подойти к компьютеру, почитать пару страниц, и... все проходит. Я получаю свою дозу. Я счастлива попасть в мир людей, которых сама же создала, которых люблю и понимаю.

Пусть я автор, то есть слепо любящая мать, но я не могла представить, что мой роман не произведет, по меньшей мере, хорошего впечатления на других людей. Ведь я писала его не на заказ в модном жанре или на ходкую тему, не ради денег. Я просто не могла не поделиться тем, что наполняет меня таким счастьем, во что я вложила всю душу и страсть.

Мое детское увлечение:

1. привело меня на исторический факультет университета, который я закончила;
2. вынудило на трех языках прочесть все, что смогла достать по интересующей теме;
3. написать свой роман о нем так хорошо, как я могла.

И еще одно. Писать - это огромное счастье. Если бы вы знали, какое это счастье, люди. Пишите! Наш язык дан нам неспроста. Это как мука. Из нее можно испечь хлеб насущный или элементарные блинчики, а можно сотворить чудо кулинарии из пяти слоев с пятью видами кремов и начинок. Так и язык. Кому-то для жизни хватает сленга или даже мата. Кому-то хочется выразиться богато и изысканно, кому-то необходимо создать из слов новый мир, другую действительность, в которой он - за творца! А кто-то даже может писать стихи! О, это мастерство высшего пилотажа, это искусство золотошвейки или нейрохирурга.

Вначале ведь было слово. Все неспроста...

* * *

Остановимся на модной мысли о необходимости любить себя. Хорошо, что она постепенно вытесняет из умов женщин утверждение о скромности, их, якобы, украшающей. Дело в том, что прекрасное слово скромность часто невольно путают со стеснительностью и неуверенностью. Какие странные слова-оборотни: самоуверенность – уверенность в себе. "Сам" стоит то перед, то после "уверенности", и от этого смысл полностью меняется! В языке той страны, в которой я сейчас живу, нет двух противоположных понятий: хорошего - "уверенность в себе" и плохого - "самоуверенность". А раз нет в языке, то нет и в умах людей. Эти понятия слились и приобрели единственное, положительное, значение. Когда я с этим столкнулась, я довольно долго удивлялась, не соглашалась, сопротивлялась, как сопротивляешься поначалу всему непонятному и новому. Но в итоге мне

пришлось пересмотреть и изменить свои взгляды.

Нечего прикрываться скромностью, если ты просто-напросто закомплексованный, неуверенный в себе человек. А уверенным быть надо, потому что это хорошо и правильно, и оставим демагогию и политкорректность! Себя надо любить, если хочешь, чтоб тебя все любили. А будешь любить себя, полюбишь и других. Как же ложно понятая скромность отягощает нашу жизнь, навязывает комплексы, гирей весит на ноге, мешая жить и развиваться. Да, некрасиво быть самовлюбленной эгоисткой и выскочкой. Но жаться и приbedняться, не верить в свои силы тоже глупо. Глупо, а не скромно. Это я говорю не только вам, милые сестры, но и себе, так как сама еще не изжила сей порок воспитания. Надеюсь, что для молодого поколения (пусть это и звучит так, как будто мне восемьдесят семь лет) эта мысль стала общим местом, понятным и без моих увещаний.

А почему я вообще начала про эту скромность? Ну, начала и начала. Ведь ничего "просто так" не приходит в голову. Значит, надо было об этом сказать. В моем повествовании я еще вернусь к стеснительности в главе о скромной девушке Ане.

Теперь же мне хочется поговорить о человеке, не страдающем мучительной скромностью, не отягощенном явными комплексами, а наоборот – полным прекрасных и поучительных достоинств – моей (бывшей) подруге Ире. А так как всем душевным движениям следует давать волю – начнем этот разговор!

ГЛАВА 2

Ира

Ира пришла в нашу школу в классе пятом, и я полюбила ее раз и навсегда. Мы подружились, как могут подружиться девочки в лучшем девчачьем возрасте. С ней у меня связаны воспоминания о трудовом лагере, из которого мы – безрассудные – бегали на реку-текучку с сильным течением и опасными водоворотами. Мы переплывали ее - один раз я чуть не утонула! - и оказывались на острове, утопающем в живописных кудрявых ивах, казавшимися с берега зеленым взбитым кремом.

Для нас остров был населен сказочными существами и назывался «островом красавиц». По моей детской терминологии он был первым чудом из четырех «чудес», важнейших вех моего детства. Вторым чудом был лошадиный вечер – поход с классом на природу с ночевкой в палатках и приход, как исполнение невысказанной мечты, белой лошади, на которую я взобралась вне себя от счастья. До сих пор помню, как грела и успокаивала его шерсть мои дрожащие от страха и гордости ноги.

Наши тайны и радости, наша детская романтика, давно ушедший и изрядно забытый мир. Хотя, забытый он, возможно, только для меня с моей катастрофически плохой памятью. Например, что было третьим и четвертым чудом, я совершенно не помню, но точно знаю, что их было четыре.

Помню поездку с классом в зимние горные Лаганаки. Мы жили в общей спальне, вечером вместе с аппетитом съедали взятую из дома еду, болтали полночи напролет. Чувствую холод на следующий день, вижу необыкновенно красивые заснеженные окрестности, черные силуэты

крючковато-ажурных деревьев на фоне снега. Ранние зимние сумерки, ледяная вода ручья, которую я, конечно же, испила и околдовалась ею. «Охотники на снегу» - не даром эта картина осталась с детства и до сих пор моей самой любимой. Там тоже снег, черные стволы деревьев, галки, мороз, синий вечер и атмосфера, в которой мне дышится лучше всего. Эту картину я впервые увидела в книге по искусству из домашней библиотеки, а потом в фильме Тарковского «Солярис». Помните, висела у них на станции. А музыку при этом помните? Бах, хоральная прелюдия фа минор, орган. Мороз по коже до сих пор от одного воспоминания...

Ах, какое же впечатление произвел на меня этот фильм, когда я посмотрела его впервые лет в тринадцать! Я ничегошеньки не поняла, но настоящее искусство действует напрямую на подсознание, минуя разум. Вот и подействовало. На долгие годы этот фильм оставался моим любимым. Помню, моя подруга Валя, о которой речь впереди, меня чуть не под руки из кино вывела, всю в слезах, в полнейшем смятении..

* * * * *

Счастье не длится вечно. Однажды, выходя из школы, я увидела, что уютного мирка, надежно скрывавшего нас ветвями от глаз посторонних, больше нет. Ивушку срубили. Почему? Кому мешало развесистое, красивое, здоровое дерево?! Это был знак и удар в сердце. Нашего зеленого ажурного приюта, символа детства, больше не было. Придя домой, я бросилась к телефону, позвонила Ире: «Нашу ивушку срубили!» - из-за слез в голосе она даже не сразу поняла, о чем я.

Больше у нас не было прекрасного тайника, и все литературные посиделки на лоне природы прекратились. Жаль!

После школы Ира уехала к своим родителям на север. Мы переписывались и виделись, когда она приезжала на сессии в техникум, где училась заочно. В один из таких долгожданных приездов она сообщила, что выходит замуж. Я была смущена скоропалительностью решения. Мое предчувствие, а, может быть, и здравый смысл говорили мне, что ничего хорошего из брака с малознакомым, чуть ли не «первым встречным пареньком», не выйдет. Хотя, как посмотреть. Вышла жизнь, двадцать лет жизни, семья, дети, свои радости и свои трагедии. Романтическая история их короткого знакомства в аэропорту – он на семь лет старше, не сопляк, а настоящий мужчина в ее глазах, конечно, произвели на нее сильное впечатление. Она созрела для первой любви, расцвела, как цветочек расцветает для пчелки. Пришла пора, вот и все. Она ко всем нам пришла. А уж кто оказался первым встречным пареньком - это кому как повезло...

Главное, чтобы они достигли своего счастья. Но в Ире ничего не предвещало пободного развития личности и интересов. Больше всего поразило ее полнейшее растворение в этих интересах – в быте и детях. Казалось странным, что человек, имевший разносторонние задатки, так много самобытных черт личности, вдруг добровольно превращается в кочку с выводком цыпляток и даже не мечтает о другой судьбе, нисколько не страдает от столь односторонней жизни. Даже наоборот – именно ее одну и желает!

Мы все мамы, любим своих детей и желаем для них самого лучшего. Но мы не только мамы. У нас есть и другие качества, «делающие» нас. Так думало большинство женщин моего поколения. Оказывается, для некоторых счастье

состоит в патриархальном бытии мамой и больше ни в чем. Понять и принять эту точку зрения подразумевает наличие определенной толерантности и широты взглядов, которых у меня тогда не было. Теперь я искренне признаю свою ошибку.

Сейчас я рада, что Ира счастлива той жизнью, которую она имеет. Между делом, в сорок один год, она родила еще одного – четвертого – ребенка. И я восприняла это на ура. Сейчас у нее снова появилась цель и содержание жизни на следующие двадцать лет – вывести этого ребенка в люди, вложить в него как можно больше из того хорошего, доброго и умного, чем в избытке обладает она сама.

Она нашла себя и свое призвание – быть мамой. И счастлива своими заботами. Что ж, я, к примеру, далеко не во всем нашла себя и оказалась востребованной жизнью не во всех своих проявлениях. Мне было дано куда больше, чем я сумела реализовать, и периодическое осознание собственной невостребованности очень омрачает мою жизнь. И приводит к миомам? Конечно, невозможно осуществить в жизни все свои мечты и планы. И все же. Что-то очень существенное отсутствует в моей жизни. Я не могу чистосердечно и совершенно искренне сказать, что моя жизнь несомненно удалась. Я не могу говорить неправду. Есть у меня такой недостаток – патологическая честность к себе.

Я и все мои подружки вышли замуж по большой взаимной любви. И все, кроме одной, Ани, в конце концов разошлись со своими мужьями после долгих лет семейных драм и трагедий. Не избежала этой судьбы и Ира. Сказка о вечной любви и совместной жизни до гроба осталась сказкой.

Когда Иисус проповедовал, что разводиться нельзя, он обращался, прежде всего, к мужчинам. Историческая культурология объясняет этот постулат так. Раньше, вплоть до последних десятилетий, - да-да, мы еще по уши в патриархате, - у женщины была одна возможность не умереть с голоду – это выйти замуж. То есть работать в поле, делать всю домашнюю работу, воспитывать детей, обслуживать мужа. За это он обязывался ее кормить. Других вариантов или жизненных сценариев не существовало. В Индии вдов, лишившихся мужей, до сих пор родной сын вправе выкинуть из дому на улицу, где они и доживают свой век в нищете среди отбросов. До сих пор в отсталых странах приход невестки означает приобретение в дом новой рабы, которую свекровь, до той поры самый бесправный и униженный член семьи, вправе третировать как еще более бесправную. Такая своеобразная домашняя дедовщина. Во времена Иисуса Палестина и Иудея были отсталым государством с первобытной дикой моралью, а женщина - бесправным, униженным существом второго сорта. Муж мог выгнать ее, завести побочную жену. Чтобы воспрепятствовать этому, Иисус призывал жить с одной женой до гроба и не выгонять ее из дому, отняв детей. Для того времени его требование было действительно прогрессивным и направлено на защиту интересов женщин.

Спустя 21 век развития, человеческое общество немножко изменилось (но далеко не везде и не во всем!). Кое-где женщины сняли паранджу и даже завоевали право участвовать в политических выборах. Но в нашей генетической памяти, в наших клетках патриархат еще жив-живехонек. Например, откуда у девушек и даже взрослых женщин ожидание, что мужчина ее защитит, поймет(?!), что она за ним, как за каменной стеной? Что он ей вообще для чего-то нужен? Что он может что-то, чего не может она

сама? Вот оттуда – из генетической памяти. Не из жизни же. Даже современные психологи внушают женщинам похорошему: успокойтесь, не дергайтесь – мужчины, выражаясь образно, с Марса, а вы – с Венеры, у вас не может быть взаимопонимания и мирного сосуществования. Вы разные специи. Не ожидайте того, чего быть просто не может, – это поможет вам избежать многих трагедий, неврозов и разводов. Но нет, фантазия о принце на белом коне, который придет, спасет, завоюет ее сердце и сделает ее счастливой принцессой, жива и неистребима. Генетическая память – это не шутки, хотя так и хочется пошутить: против этого лома нет приема.

Ирин принц настиг ее в аэропорту, где летают самолеты, где царит атмосфера романтики, откуда недалеко перебросить мосток к волшебному, мудрому и доброму Экзюпери. Начало было, как всегда, за здоровье, а потом пошла жизнь, которую они прожили не только в любви и покое, хотя и покой, и любовь, и разное хорошее наверняка тоже присутствовали в их жизни. Но даже я, редкий гость в их доме, заметила, что там царят не только покой и любовь. В мои приезды я их как раз и не заставляла. Свою семейную жизнь они, влюбленные и полные радужных ожиданий, начинали в коммуналке — в своем раю с клопами. Кончили, выражаясь образно, инвалидами семейной жизни, в рубцах и с плохо сросшимися переломами костей, зато в шикарной трехсотметровой квартире с тремя балконами и джакузи, в настоящем материальном раю. Да только не в нем счастье... Оказывается, действительно, не в нем!

Я рада, что Ира смогла вырваться из этой жизни, рискнула все начать сначала, пошла наперекор обстоятельствам и нормам принятой морали. Я по своему опыту знала: если она прекратит эти изжившие себя отношения, то будет счастлива. Никогда не стоит реанимировать то, что умерло естественным путем. Сама она спустя несколько лет после развода так описала свою семейную жизнь: «Были свои сто часов счастья, и я ни о чем не жалею. Я сознательно шла на компромиссы, а когда стало нечем платить за них, когда круг моей личной свободы сузился до размеров моего тела, - а за ним идет только душа - я поняла, что этот кусок жизни закончен». Побеждает тот, кто рискует. Она начала новую жизнь с новым, да еще очень молодым человеком. Пугачеву обскакала! Нашла новую работу, соответствующую ее призванию. Родила нового ребенка. Молодец! Ура! Виват!

Стойкий оловянный солдатик – так я ее всегда называла. Большая умница и настоящий лев – неунывающая, двужильная, в ровном уверенном состоянии духа, бодрая, доброжелательная, компанейская, с вечной улыбкой на губах. Не лезет в карман за ответом, не устает делать добро, не поддается смертному греху уныния (да и что ему поддаваться, когда есть шесть других, куда более приятных), способная на гусарские поступки и широкие жесты. С таким человеком хочется быть рядом.

Одно время на несколько лет моя связь с Москвой совсем зачахла, и Ира превратилась в бывшую подругу, бывшую без круглых скобок. Она совсем исчезла из моей жизни. Из видимой, конечно, но не из подсознания-души. Там она продолжала жить, а я продолжала ее любить. Помните еще: «я полюбила ее сразу и навсегда»... И вот однажды боженька-подсознание послал мне сон. Про Иру. И я поняла послание... Если мне снится кто-то из моих подруг, а такое случается регулярно, я всегда пишу или звоню героине

моих снов, потому что знаю - зря не снится.

После этого протуберанца подсознания я написала Ире о том, что люблю ее и очень сожалею, что мы позволили жизни развести нас.

Она ответила. Написала своим корявым, таким знакомым и совсем не изменившимся с пятого класса почерком. Сообщила, что ждет ребенка. Но от кого, сказать не может. Если бы могла, то я была бы первой, кому она это сказала бы. Потом мы созванивались пару раз. А потом настало время нам свидеться после долгой-долгой разлуки.

Может быть – всему свое время? Есть время разлуки время свиданий, встреч... Так хочется в это верить.

Два года назад, в мой последний приезд на родину, она оказалась на море с детьми в то же время, когда там была я с сестрой. Мы сняли комнату неподалеку и провели прекрасные пять дней вместе, большим табором, в жаре и тесноте. Ира суверенно управлялась со своей командой в полосатых купальниках - один ребенок двух, а двое тринадцати лет. Поход на море, купание, катамараны, ласты, фрукты, домой, обед, сон, снова море, покупки, варка, стирка, разговоры одновременно со всеми. Она напоминала мне жонглера, который бросает пять мячей руками, а ногой еще крутит стул. Я осталась ею очень довольна. Она продолжает быть все тем же стойким оловянным солдатиком, но сейчас уже без меланхолии и скрытой грусти времен своего несчастливого брака. Она - самка Толстого, богиня-мать, даже не мать, а мать – древняя и необходимая, без которой не существовало бы жизни на Земле. Именно на таких держится мир. Я тогда не знала, есть ли в ней осколочки, очистки, лузга Наташи Ростовской – такие, которые я выкапываю и извлекаю на свет божий и в себе, редко, все реже, не будучи уверенной, что это вообще надо. Я сейчас припомнила, когда в последний раз «видела» Иру времен нашей ивушки, нашего острова, трудового лагеря и защиты теоремы у доски с оттопыренной попой: на их трехэтажной деревянной даче лет пятнадцать назад. Нам удалось оставить мужа с гостями и накрытым столом внизу в сто-ловой. Дети в резиновых сапогах разбрелись месить грязь по дачному поселку. Мы наконец на минутку остались одни. Сидели на втором этаже в комнатке, пахнувшей свежей древесиной. Ира рассказывала, как у нее на руках умерла ее бабушка, которая ее практически вырастила и которую Ира взяла к себе доживать век. Она рассказывала и заливалась слезами, как и я тогда, да и сейчас, когда пишу это.

Значит, мы еще живы. Жизнь не превратила нас в высушенных деревянных истуканов. Нас – нет!

Одно время, пару лет назад, тема собственного заматерения очень беспокоила меня. Помню, мы даже обсуждали ее с Рузанной, речь о которой впереди. Меня волновало, что, борясь с жизненными ударами, мы настолько покрылись броней, что она постепенно превратилась в нашу кожу, а наши живые чувства окаменели под ней. Мужество превратилось в невозмутимость и эмоциональную закоренелость, чистота и восторженность в равнодушие и цинизм. Сейчас я больше так не думаю. Я знаю, что индивидуальная Наташа Ростова жива и во мне, и в Ире, и во всех моих подругах. И чтобы добраться до нее, совершенно не надо вести археологические раскопки, снимая с души слой за слоем остатки разочарований, неудач, обид, потерь, несбывшегося. Ничего никуда не исчезает. Наша бессмертная душа все сохраняет в себе, а если она временами черствеет, можно размягчить ее слезами. Слезы –

хорошая помощь, данная нам матерью-природой. Они облегчают душу. Об этом знали уже древние. Они вообще обо всем все знали. А современные установили, что со слезами выходит гормон несчастья, названия которого я не помню, что не удивительно при моей ужасной памяти.

Моя дочь ушла в школу вождения и оставила меня с ребенком, которого надо было покормить, помыть и уложить спать. Последний пункт несколько растянулся и вылился в нешуточное противостояние под названием «кто в семье главный». Поединок с младенцем закончился вничью. Но ничьей особого, бородинского толка. Помните школьный учебник по истории: русская армия посчитала, что победила она, французы решили, что победили они. Факты же говорят о следующем: русские войска не только отошли с поля боя, но и сдали столицу империи, да еще сами ее и подожгли. Так чьей победой закончилась Бородинская битва?

Вот и я провела такое Бородино с десятимесячным младенцем. Я пошла на компромисс, оказавшийся военной хитростью и принесший мне неожиданный успех. Я ее все же вытащила из кровати. Она вмиг забыла о слезах. Бодро поиграла пять минут перед телевизором, с улыбкой вырвала мне клочок волос. Потом я молча, без «усталых игрушек» положила ее снова, и она моментально уснула, стоя раком поперек кровати.

Командует тот, кого мы любим. Хуже было бы, если бы командовал тот, которого мы не любим. Нашу крошку со звучным окололитературным именем Эвелина никто этим именем не называет. Муся – это от меня, Зая – это от мамы. Это имена-присказки. Есть в употреблении и более экзотические обращения. Например, Тоскана. Это красивая область а Италии, но имя не от нее, я от глагола «таскать». На руках. Или Тирана. Но это тоже не албанская столица. Это от слова «тиран», потому что она нас частенько тиранит. Эти имена пока что подходят нашей малышке куда больше, чем Эвелина, как звали возлюбленную Бальзака. Оговорюсь сразу. Ни к страстным поклонникам Бальзака, ни к воинствующим славянофилам мы не относимся. Просто имя красивое, по чистой случайности польское, к которой мы вполне спокойно дышим. А имя прекрасное – и Ева и Лина в одном. Но тиран уложен и спит, и я смогла вернуться к главе. Ее заключение, сама того не подозревая, продиктовала мне по телефону сама Ира. Вот оно: я счастлива, уравновешена, живу, как считаю нужным. Стала очень ценить время. Меня бесит чужая неорганизованность, ворующая мое драгоценное время. Ведь жизнь это то, что успел, а не то, что хотел. Хочу много успеть. Ира, Бог в помощь!

ГЛАВА 5

Маленькая глава о маленькой Эсфири

Она мне так представилась. Для всего остального мира - семьи, друзей, коллег, даже паспортного стола, она Светлана. И только я одна называю ее так, как она, поддавшись какому-то непонятному порыву смелости и вызова, представилась мне много лет назад.

Она сама упорно добивалась моей дружбы. Странное начало. Я долго не могла понять, почему. Что мое так привлекло ее интерес? Может, во мне она увидела молодую себя? Или почувствовала подобие дочери, которой у нее не было. У нее два сына моего возраста. Старший - беспутный-блудливый и младший – порядочный-домашний. Первого она любит, второго уважает. Все

как в Библии. Она вообще классическая еврейская мама со всеми негативными для детей и семейных отношений последствиями.

У старшего седина в бороду, черт в ребро. Хотя черт из ребра не вылезал всю жизнь. Несмотря на то, что старший сын разменял шестой десяток, материнская пуповина еще так и не перерезана. Отсюда вся любовь-ненависть, одесский дворик или бакинская свадьба в их отношениях. Смотри и не делай так.

Эсфирь – человек, не приемлющий скромность в значении затурканности, излишней кротости и невзыскательности, и за это я ее оч-ч-чень уважаю. Эта злополучная скромность так и проходит красной нитью по повествованию. Если так пойдет дальше, надо будет переименовать произведение в рассказы о вреде скромности. Эсфирь горда своими несомненными многочисленными талантами и прошлыми достижениями. И правильно.

Почему бы не гордиться, если есть чем, если заслужено и по справедливости. Ее смелость, энергия, коммуникативность, ум, решительность восхитили и меня в свое время, лет пятнадцать назад, когда мы только позна-комились. Она бралась за большие дела и делала их. Кто может этим похвалиться? - редкие люди. В молодости увлекалась астрономией, играла в театре и кино. А стала строителем и строила города и большие комбинаты, управляла огромными коллективами, боролась и ладила с высоким начальством. И при этом оставалась ребенком своего времени и жертвой советско-средневеково-восточного воспитания. Всю жизнь прожила с алкоголиком, навязанным ей в мужья родителями, сделала двадцать два подпольных и, когда разрешили, легальных аборта, нажила несколько инсультов и серьезных болячек.

Мы очень хорошо дружили, несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте, мы понимали друг друга с полуслова, нас объединяла масса общих интересов и привязанностей. Но, даже будучи пожилой и больной, она оставалась куда более смелой, энергичной и решительной, чем я. Иногда даже подавляла меня своей энергией и превосходством.

И еще. Я не встречала более жизнелюбивого и жизнерадостного человека. Я узнала ее уже серьезно больной, преимущественно в плохом или очень плохом состоянии и самочувствии. Но никогда она не позволяла себе уныния, жалоб, охов и ахов. Просто гейзер какой-то, а не человек. А эрудиция, находчивость и живость рассказов! На любую тему, как у Иисуса, у нее находились притчи. Любая мысль иллюстрировалась байками из собственной богатой жизни. А юмор - Жванецкий рядом померк бы.

От нее я узнала страшную историю ее изгнания из бакинского рая. В те времена развала СССР в республиках пылал национализм, происходили «этнические зачистки». Тогда первый раз в жизни Эсфирь порадовалась наличию и содержанию пятой графы в своем паспорте. Ей повезло, что она оказалась не армянкой. Именно от них самым brutальным образом избавлялись бывшие соседи и друзья. А ведь на востоке сосед чуть ли не важнее родственника! Соседи присматривали за детьми, практически коллективно растя их, поочередно кормили-угощали целые дворы, переженивали своих детей, помогали продвигаться по служебным лестнице или карабкаться по строительным лесам карьеры, выручали из беды – мыли друг другу руки. Рахиль носа не показывала из дому. А если приходилось выходить по неотложному делу, показывала паспорт разъяренной толпе бывших людей, искавших себе очередную жертву для удовлетворения

низменных национальных инстинктов. Страшно...

Довольно долгое время она была единственным человеком, с кем я могла вести глубокие интеллектуальные беседы на отвлеченные темы. Где какая рыба и почему – такие разговоры интересуют меня куда меньше. Она много помогла мне одним своим присутствием, советом и человеческим участием. Были времена, когда Эсфирь оказывалась для меня единственной моральной поддержкой в жизни. Я благодарна ей за это, как никому другому.

Мы долго и очень хорошо общались: это были беседы-откровения, встречи мастера-гуру со своим учеником, уроки мудрости от очень талантливого и большого человека. Что начало разводить нас? Что стало постепенно гасить эту прекрасную дружбу?

Время. Возраст. Состояние здоровья и психики пожилого и нездорового человека.

Отношения перестали быть равными. Опять этот проклятый закон жизни. Каюсь, я начала понемногу сокращать наше общение. Я, которая так ратует за полив дерева, сама перестала поливать его в достаточной мере. Мне стали тяжелы ее повторяющиеся рассказы, жалобы на семейных и на многочисленных невесток (у распутного четверо детей от четырех женщин). Наступило время, когда все наши разговоры заканчивались ставшим традиционным эпилогом о кознях главной злодейки и отравительницы жизни семьи – старшей невестки. Она действительно далека от идеала матери-жены-невестки и не затрудняет себя искренним уважением к свекрови. Более того, она – яркая иллюстрация народной мудрости: хохол родился – еврей заплакал.

Продолжение следует!